

РАДОВАТЬСЯ НАДО

Г. Вишневская в роли Катерины

КОГДА-ТО В. Стасов, впервые услышав и увидев на сцене молодого Федора Шаляпина, написал статью под ликующим заголовком «Радость безмерная». Я вспоминаю об этом, и мне кажется, что мы в критике почти разучились радоваться. И статьи пишутся галантно-уклончиво, так сказать, дипломатическим языком. Похвалы порой более похожи на комплименты, чем на выражение искренних чувств. А между тем нам есть чему радоваться откры-

то, не подыскивая удобных формул и причисленных эпитетов.

Галина Вишневская в роли и партии Катерины Измайловой в одноименном фильме-опере — это подлинное событие в нашем искусстве, источник эстетического наслаждения для тех, кто будет слушать и смотреть это выдающееся музыкально-драматическое творение советского оперного театра, запечатленное теперь в кино.

Было немало споров по проблеме

экранизации опер... Надо — не надо... Плодотворно — не плодотворно... Киножанр — не киножанр... Жизнь, творческая практика доказывают: надо, плодотворно, киножанр. И самое крупное, неопровержимо подтверждающее доказательство — фильм-опера «Катерина Измайлова».

Экран фильма музыкален и пластичен. Он как бы рождается из самой музыкальной стихии, формируется ею и снова переливается в нее. Это спроецированная партитура оперы с ее сложной драматургией, реалистически мощной лепкой характеров и трагических коллизий.

А Галина Вишневская — это тот эстетический фокус, где музыка и киноэкран обретают особенно живую человеческую плоть, где два условных искусства находят свой синтез в как будто бы безусловном человеческом бытии.

В своем исполнении актриса соединяет, казалось бы, несоединимое, как оно слито в творениях Николая Лескова и Дмитрия Шостаковича: кондовое, амбарное, скрипящее половицами, залитое жиром, придавленное перинами «темное царство» и живую, бунтующую, прорывающуюся к свету и гибнущую в крови и преступлении человеческую душу.

Вот Катерина сидит у окна, неподвижная, словно одеревеневшая, подавленная владычеством золотого тельца. Она жалуется на неистовую, иссушающую скуку скопидомского бытия, где дни пересчитываются

только пыльными мучными мешками да засаленными кредитками. Режиссером это решено так: в правой цветовой половине экрана — Катерина у окна, в левой черно-белой, словно задымленной и стерто-унылой, — купеческий двор, подводы, мужики, таскающие тяжелые кули, дубовые двери с огромными запорами, скаредный хозяин, перетрахаивающий свою мошну. Все течет медленно и как будто бы неповоротливо. Но в пронзительной тоске Катерины уже звучит, угадывается та сила, что вызовет взрыв.

Катерина Г. Вишневской, в соответствии с авторским замыслом, и прекрасна, и чудовищна, и светла, и зловеща. Она — само воплощение гордого женского достоинства, любви, страсти, нежности, когда впервые встречается с любимым, когда готова всем пожертвовать, все перенести ради него во время каторжного кандалного пути. И она же олицетворенная жестокость, ярость и жажда мести, когда, поруганная и униженная, отравляет Бориса Тимофеевича или, прыгнув в реку, как русалка-фурия, топит разлучницу Сонетку.

Каждый раз Вишневская перевоплощается внутренне, преобразается с той естественной свободой, которая доступна только выдающемуся дарованию.

Г. КАПРАЛОВ.

НА СНИМКЕ: кадр из фильма «Катерина Измайлова».

Вечерняя Москва, 1964, 28 мая